

ГАСЫМОВ ЭЛЬДАР ШАФИАДДИНОВИЧ

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «СВАДЬБА»

Предметом исследования настоящей статьи являются выразительные средства и стилистические приёмы в идиостиле А. П. Чехова на материале рассказа «Свадьба». В работе использован уровневый подход. Утверждается мысль о том, что особенности структуры лексического значения слова «свадьба» имеют важное значение в художественном строе рассказа. Выдвинуты предположения о причинах нарушения грамматических норм в репликах героев рассказа. Стилистический строй текста рассмотрен в аспекте употребления выразительных средств языка. Отмечена роль средств выразительности в формировании художественных образов. Одна из задач статьи состоит в выявлении связей между языковыми ресурсами, формирующими авторский текст, и его идеей.

Ключевые слова: уровневый подход, стилистика, идиостиль, лексическое значение, средства выразительности.

Keywords: tiered approach, stylistics, idiostyle, lexical meaning, expressive means.

В рассказе «Свадьба» А. П. Чехова (написан в 1887 г.) преобладает описательный тип речи. Авторская характеристика свадебного торжества, лежащего в основе сюжета, представляет особый интерес как в подборе языковых единиц, так и в реализации их потенциалов. Предметом нашего изучения выступает стиль речи, сложившийся в рассказе, в котором использованы особенности разных уровней языка с целью достичь необходимого художественного эффекта. Известно, что при подготовке рассказа для собрания сочинений писателем была проведена сплошная стилистическая правка. Мастер художественного слова Л. Н. Толстой относил «Свадьбу» к лучшим рассказам А. П. Чехова [12].

Стиль, с лингвистической точки зрения, представляет собой композиционную форму, в которой используются языковые ресурсы языка.

В словаре В. И. Даля указано такое определение слова, поставленного в заглавие рассказа: *Свадьба* — обручение, совершение брака, со всеми брачными обрядами и пирушками [3, с. 145]. В словарной статье заключено противоречие. Составитель толкового словаря ставит рядом такие понятия, как «брачный обряд» и «пирушка». Следует предположить, что для русского человека XIX века данная языковая единица имела некоторую двойственность. *Пирушка* — многолюдное угощение, большой званый обед, ужин, иногда с музыкой, пляской и с другими потехами [4, с. 111]. *Обряд* — введённый законом или обычаем порядок в чём-либо; внешняя обстановка какого-либо действия условными околичностями; церемония, законный порядок, чин [5, с. 618]. В сознании русского человека слово «свадьба» несёт в себе противоречивые семы «радость», «веселье» и «порядок», «строгость», а также имеет положительные коннотации. Особенности структуры лексического значения слова «свадьба» имеют важное значение в художественном строе рассказа.

Среди фонетических особенностей стиля особенно примечательно словосочетание «оглашается грохотом». В рамках одного словосочетания реализованы два шумных взрывных согласных звука [г]. Отдельно стоит выделить сочетание взрывного [г] и дрожащего [р], которые, с учётом уже отмеченных признаков, повышают уровень шума. Так, в границах одной синтагмы выражается приём аллитерации, дополняющий звуковой образ, делающий его более натуральным. Аллитерация — это звукопись на согласные, повтор одинаковых или сходных согласных [см. 10, с. 16].

В тексте также присутствует звукоподражание «тпррр», употреблённое трижды и, вероятно, служащее в речах некоторых героев обращением к лошади. Примечательно, что животные в рассказе не издают самостоятельных звуков, которые были бы выражены посредством ономотопеи. Также стоит отметить звукоподражательный глагол «жужжать».

Не менее интересен случай воспроизведения фонетических особенностей речи персонажа Спиры, выраженных в одном слове — «чичас» [13]. Данная деталь, как считают исследователи, является биографической: «Его (А. П. Чехова. — Э. Г.) гимназический товарищ А. Дросси рассказывал, что во время посещения Чеховым-гимназистом их дома туда же забегал живший напротив приятель А. Дросси С. Х-ди. Если последний засиживался долго, то родители посылали за ним старую няньку, которая, не входя в дом, протяжно кричала: «Сп-и-и-ра». И тот неизменно отвечал: «Чичас»» [12, с. 687].

Особого внимания заслуживает лексический строй текста. В рассказе довольно большое количество слов с общей семой «громкий звук», «звук», чем оправдано множество звуковых образов. Глаголы, деепричастия и отглагольные существительные, выражающие звук, встречаются весьма часто: *взвизгивают, жужжание, хлопает, гремят, шум, суэта, беготня, сморкаются, прихлёбывающая, копошатся, стонет, плакать, марш* и другие.

Не менее интересным становится принцип словоупотребления глагола «взвизгивать». Языковая единица использована в рассказе как в отношении дам, так и в отношении собаки: «В задних рядах раздаются тревожные голоса: кто-то что-то забыл, у кого-то невестин букет; дамы *взвизгивают*, умоляя не делать чего-то, потому что «примета есть»; «Опять вошла со двора собака, её гонят, она *взвизгивает*...» [13, с. 200]. Слова довольно дистанцированы друг от друга, что противоречит предположению об использовании автором полисемии в целях комического эффекта. Однако именно лексемы «взвизгивают», «взвизгивает» представляют собой необходимый звуковой образ, дополняющий художественный мир произведения. На связь этих слов в границах рассказа указывает их сходный морфемный состав, особенно префикс *вз-*, являющийся продуктивным во всех стилях речи, употреблён в обеих словоформах [2, с. 22].

Использование в рассказе слов с разговорным и просторечным оттенком встречается часто. Важно, что такие слова в качестве микрообразов вносят изменения в смысловую структуру произведения. Известно, что, когда целая система разноуровневых языковых ресурсов способствует созданию и выражению каждого отдельного микрообраза и даже его элементов путём комплексного акцентирования его отдельных черт, это оказывает активизирующее воздействие на воображение читателя [6, с. 202]. В связи со словом «свадьба», поставленным в заглавие, создаётся обманчивое впечатление светлого, праздничного произведения. Автор в описании намеренно употребляет слова сниженной, разговорной лексики: *испытим* (разг.) (лицом), *кучая* (пер. разг. неодобрит.) *фигурка* (суф. субъективной оценки -к-), *запружена* (разг.) *улица*, (солдаты-музыканты) *копошатся* (разг.) и другие [11].

На морфологическом уровне вызывает интерес слово «кричать». Текст произведения (1 581 слово) включает пять употреблений данного глагола и производных от него. Данное наблюдение имеет место в концепции звуковых образов, созданных благодаря языковым ресурсам и составляющих идейный каркас произведения.

Примечательна просторечная форма употребления указательного местоимения «такой» («таковские») и просторечная форма частицы «неужели» («нешто»): «А *нешто* он может чувствовать? Не *таковские* они нынче, чтобы чувствовать!» [13, с. 200]. Возможно, данное употребление связано с целью стилизации речи малообразованного провинциального дворянства, а также исполняет функцию речевой характеристики.

В тексте произведения зафиксировано восемь фразеологизмов, из которых лишь два принадлежат повествователю: *перевести дух, сорваться с цепи* [7, с. 199, 288]. Остальные устойчивые выражения принадлежат персонажам. Насыщение прямой речи народными элементами имеет важное значение в стилизации речи героев. Среди фразеологизмов выделяются следующие: *бог знает, вывести на чистую воду, копеечка в копеечку, сбиться с ног* [1, с. 22, 372; 7, с. 105, 338]. Знаменательно, что последние две фразеологические единицы принадлежат матери невесты. Помимо прочего, речь героини имеет в своём составе просторечные обращения: *мать моя, батюшка*. В сущности, данные обращения считаются риторическими, так как основной их целью является не название адресата, а усиление выразительности [см. 10, с. 217]. Также в репликах персонажа следует отметить просторечные слова: *ирод* (прост. презр.), *истукан* (син. к болван, оскорб.) [11, с. 177; 5, с. 63]. В сочетании с просторечными морфологическими формами отмеченные лексические и фразеологические особенности играют значимую роль в структуре речевой характеристики.

В тексте рассказа содержится 51 восклицательное предложение, что является одной из синтаксических особенностей текста. Для произведения малого объёма данное количество можно считать весьма высоким. Значим тот факт, что из 51 предложения лишь два принадлежат повествователю, тогда как 49 приходится на реплики персонажей. Звуковые образы, дополненные частым использованием восклицательных конструкций, служат повышению уровня шума в рассказе, что согласуется с художественным заданием.

Двойственность понятия, выраженного в слове «свадьба», смогла реализоваться в стилистическом своеобразии авторского текста. Рассказ имеет памфлетный, сатирический характер. Основным стилистическим приёмом рассказа является батос. Так называется стилистический приём снижения стиля, перехода от высокого к низкому [см. 8, с. 5].

Вероятно, художественной задачей автора стало постепенное проявление второго плана понятия «свадьба», отмеченного в словаре В. И. Даля, — «пирушки». Знаменательно, что церковный обряд бракосочетания в тексте рассказа не описан, а лишь констатирован. Противоречие понятия легло в основу идейного замысла произведения, где А. П. Чехов, возможно, иронизирует над свадебным обрядом.

Образная система персонажей строится на стилистических средствах. При общем шуме в рассказе Любочка (невеста) сравнивается с тенью: «Невеста Любочка *бесшумно, как тень*, опускается перед отцом на колени...» [13, с. 196]. Автор использует и другие эпитеты, вызывающие контраст образа с другими персонажами: «Любочка, *бледная, такая торжественная, строгая на вид*, целует со своими подругами...» [13, с. 197]. При такой характеристике становится понятна реакция невесты на шумную встречу после возвращения из церкви: «Любочка и её супруг, солидный господин в золотых очках, ошеломлены. Оглушительная музыка, яркий свет, всеобщее внимание, масса незнакомых лиц угнетают их...» [13, с. 200]. Невеста представляет собой человека, понимающего и чтящего праздник бракосочетания.

Интересен образ шаферов, который, вследствие оригинальных сравнений и эпитетов, становится похож на «животный». Вначале автор сравнивает лиц, держащих венец жениха и невесты, с лошадьми: «...только одни шафера, как *горячие пристяжные*, нетерпеливо переминаются с ноги на ногу, точно ждут, когда им позволено будет *сорваться с места*...» [13, с. 196]. Шафера сливаются в один собирательный образ, лишённый индивидуальности, и в тексте представляют собой нечто похожее на собачью стаю. Шафера же и «корчатся, как в судорогах». Примечательна также фразеологическая характеристика, наполняющая образ «животным» содержанием: «У шаферов опять такой вид, точно они *с цепи сорвались*» [13, с. 200]. В историко-этимологическом словаре, составителем которого является А. К. Бирих, указано, что этимология устойчивого выражения тесно связана с образом собаки: «В основе образа — ассоциация с собакой, которая, когда её спускают с цепи, бурно выражает свои чувства, ничем не сдерживаемая» [1, с. 741]. Некоторые животные семантические элементы проявляются и в «чужих горничных и няньках», которые «*пожирают глазами*» невесту, издавая «одобрительное *жужжание*», и в барышнях, которые «как *мухи*» жмутся у стен, и в шлафроке мужа Любочки, который имеет *мышиный* цвет.

Особого внимания заслуживает образ извозчика Макара. Описание персонажа завершается эпитетами и сравнением: «...придают ему *не человеческий, не живой* вид; весь он *точно окаменел*» [13, с. 197]. Две однообразные реплики Макара («Тпррр! Шалишь!»), сказанные то высоко, то басом, в сочетании с указанными стилистическими средствами

сближают его как с «чудо-богатырём», так и с лучшим или другим лесным чудовищем.

Отмеченные ранее звуковые образы нашли наиболее яркое выражение в описании марша: «Ещё одна минута ожидания — и в “проходной”, резко, остервенело рванув, раздаётся оглушительный, дикий, неистовый марш» [13, с. 200]. В данном случае можно говорить о стилистическом приёме амплификации. Амплификация — ораторский и стилистический приём нагнетания различных выразительных средств (эпитетов, синонимов, сравнений, гипербол и проч.) для усиления речевого воздействия [см. 9, с. 40]. В характеристике марша сочетаются эпитеты (*остервенело, оглушительный, дикий, неистовый*) и олицетворения (*рванув, раздаётся*). Следует отметить гиперболу и олицетворение, дополняющие звуковой строй произведения, — *оглушается грохотом, экипажи гремят*.

Не менее важно определить метафоры, дополняющие функцию снижения, реализованную на лексическом уровне. У «старшого» из музыкантов волосы на лице *сбились в паклю* (метафора). *Адом* (метафора) называет автор кухню, где готовятся блюда на свадебный стол. Гости, присутствующие на празднике, имеют «*плоские* (эпитет) затылки».

Образ матери невесты, помимо речевой характеристики, дополняется приёмом антифразиса, который впоследствии иронично раскрывает автор: «Нельзя, нельзя, господа, в спальню

ходить! Это не деликатно в спальню ходить. Не заглядывайте!» Далее слова автора: «Это значит: пожалуйста поглядеть спальню!» [13, с. 201]. Антифразис — это приём, при котором подразумевается противоположное тому, о чём говорится.

Обращает на себя внимание и повтор словосочетания «примета есть». Можно предположить, что в данном случае упоминание приметы в речах персонажей выполнено автором в иронических целях. Примета как устойчивая связь явлений действительности, по мнению героев, не может быть нарушена. Ирония проявляется прежде всего в том, что свадебный обряд как определённый порядок постоянно нарушается всеми участниками праздника, превращаясь в «пирушку». Тогда как приметам верят и отец невесты, который напивается в конце до того, что никого не помнит, и приглашённые на праздник дамы, среди которых жужжащие няньки и горничные, пожирающие глазами невесту. Таким образом, ирония является главным художественным приёмом, объединяющим отмеченные ранее средства выразительности в рассказе.

В статье была отмечена роль лексического значения слова «свадьба» в идейном содержании рассказа. Стилистический строй текста рассмотрен в аспекте употребления выразительных средств языка. Выдвинуто положение, главной мыслью которого является взаимосвязь уровней языка и стилистического наполнения с идейным замыслом рассказа.

Список использованных источников

1. Бирих, А. К. Русская фразеология : ист.-этимол. слов. : около 6 000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко ; С.-Петербург. гос. ун-т, Межкаф. словарь кабинет им. Б. А. Ларина. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Астрель [и др.], 2005. — 926 с.
2. Ван Цзюэ. Продуктивные глагольные префиксы в современных публицистических текстах (на материале газеты «Санкт-Петербургские ведомости») : выпуск. квалификац. работа магистр лингвистики / Цзюэ Ван. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2016 — 132 с. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/3137/1/Van_Czyue_Mag_dis_-_kopiya.pdf. — Текст : электронный.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 : С – У / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1999. — 688 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3 : П – Р / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1999. — 555 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 2 : И – О / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1999. — 779 с.
6. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов / М. Н. Кожина. — Москва : Просвещение, 1977. — 233 с.
7. Ларионова, Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка / Ю. А. Ларионова. — Москва : Аделант, 2014. — 512 с.
8. Муругова, Е. В. Методические указания по формированию навыков реферирования у студентов неязыковых специальностей / Е. В. Муругова. — Ростов-на-Дону : ДГТУ, 2011. — 30 с.
9. Никитина, С. Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов : принципы составления и избранные словарные статьи / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. — Москва : РАН, Ин-т языкознания, 1996. — 172 с.
10. Приходько, В. К. Выразительные средства языка : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. К. Приходько. — Москва : Академия, 2008. — 256 с.
11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. — 24-е изд., испр. — Москва : Оникс : Мир и Образование, 2010. — 640 с.
12. Чехов, А. П. Свадьба // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. : сочинения в 18 т. — Москва, 1976. — Т. 6 : 1887. — С. 340–345.
13. Чехов, А. П. Свадьба // Чехов А. П. Собрание сочинений : в 12 т. — Москва, 1985. — Т. 6 : 1887–1888. — С. 196–201.

Материал поступил в редакцию 19.12.2020.

Сведения об авторе: Гасымов Эльдар Шафиаддинович, студент факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Научный руководитель: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: г. Хабаровск, пер. Облачный, д. 64, кв. 61; e-mail: Aldar283760@mail.ru; тел. 8-909-857-69-79.